

И так ему разохотилось выслужиться, скарабеем пролезть в доверие полковника, что предложи тот отдать конец, он бы и это сделал: хоть этой крысе, хоть кому.

- Отдать конец. - словно подслушав его мысли, произнес полковник. - А тебе, рядовая, произвести отсос ядовитой суспензии из предположительно гангренозной части тулова раненого солдата.

Соня непонятливо заморгала.

- Как, прямо ртом отсос, товарищ полковник?

- Да, рядовая Сироткина, надо нам быть всем уверенным, что ты не спасуешь перед гнилыми останками солдата на поле брани.

Было видно, что Сироткину тошнит от одной мысли, что это исчадие солдатской пазухи придётся брать в рот. Ставшее некрасивым, лицо искривило отвращение. Уголки губ, дрожа, изогнулись к низу. Пуговка носа наморщилась. От нее во все стороны врассыпную бросились веснушки.

Но рядовой Сироткиной хотелось жить, пусть даже и так, - сося ядовитые колбасы.

Она накренила палку к устам: (все в комнате выжидательно застыли) и представила, что это не заражённая бутулизмом салями, а жопа, вставшего с горшка, гномика. Поваяло сказкой.

Стало не страшно. И Соня нажала губами на жопу. Проказливо слетели гномовы шорты и с ними шоры с глаз Сироткиной: во рту бутулёзная Ванина колбаса, а не задик потешного гнома! Щеки солдатки раздуло. Зеленые с поволокой глаза съехались к носу. "Ишь щекастая стала. - подумал Ваня. - Ещё чему-то удивляется". Соня судорожно взятяг соснула и попыталась стянуть с колбасы кожицу вниз до конца. Но легко отслоившись с головы, шкурка дальше не шла и была к телу колбасы будто приросшая. От натяга она утонулась, запунцовела, испещрилась под желудем сеткой извилистых мелких ниточек. "Так она пришита!" - догадалась Соня и попробовала отковырнуть кожуру ногтями почти панически, потому что, что же будет если ей не удастся очистить и обсосать колбасу целиком?! Старик её снова накажет!

Снова и снова ноготки санитарки впивались в покрасневшую кожуру. Колбаса вздрагивала, но не лопалась. Не в такт ей Ваня вскрикивал и с горящим лицом вытягивался в струнку. И от этого у Сони возникло смутное ощущение, что между колбасой и солдатом существует какая-то связь. Не то, чтобы они были одним организмом (наоборот - колбаса жила отдельной от солдата жизнью), скорее это была какая-то неуловимая метафизическая зависимость. И сама салями (что-то в ней назревало, что-то сгущалось) должна была вот-вот дать ответ - какая. Чтобы ускорить пришествие ответа, Соня до ушей растянула рот и погрузила в него салями как можно глубже - до гланд и дальше. И хотя голова салями стала совсем близко от ее мозга, понимание не приходило. Она отстранилась, хватая ртом воздух. - Товарищ полковник, - рядом с громадиной палки лицо санитарки казалось тщедушным, - я не понимаю: я: - Чего ты не понимаешь?! Ах, ты не понимаешь! А то, что солдат лежит без дыхания на грани гибели - это ты понимаешь? Он за неё почти жизнь отдал, а она, видите ли, рот боится суспензией замарать. А ну раздевайся! Да, всё с себя снимай! Живо! Форма одежды номер ноль.

Сироткина молча поднялась. Это было выше её сил - раздеться при них - старике и солдате.

Она покосилась на дверь в бункер. В глазах задрожали слезинки коротенькой Сониной жизни. Пряча их, она стянула с головы пилотку и ткнулась в неё лицом. Теперь слезы нашли выход и обильно мочили пилотку. Что ни слеза, то воспоминание о куцах, но ярких событиях жизни варяжки: прощайте фиорды в тумане, прощайте крикливые крачки, прощай и ты - кружок юных карикатуристок. Солдатка рыдала беззвучно, боясь стенаниями приблизить исход.

И насупившийся было полковник, вдруг, как-то странно смягчился:

- Прекратите истерику, в конце-то концов, рядовая Сироткина. Что вы разнюнились?! - и совсем уже ласково, - Ну, ну, рядовая, хватит вам уже ныть. Подумаешь, приказали раздеться при мальчишке. Так мы ведь не на гражданке. Здесь в армии полов нет. Ну, хотите я вам помогу. Ремешок вам расстегну: Ух, как туго-то вы подпоясались. А теперь пуговицы: Сама? - Са-а-ама:

Полковник с ремнем и улыбкой отошёл, а Соня, всхлипывая, завозилась с пуговицами мундира. Ивану показалось, что она копается с ними несколько сот лет. Потом она эру снимала кирзухи. Меловой период разматывала портянки. Миллиардолетия стягивала майку. Пол вечности расстегивала галифе. И вечность, прыгая на одной ноге, снимала кальсоны. С момента её обнажённости, время стремительно рвануло вперёд. Мелькнул бермудский треугольник с чем-то подозрительным в нижнем углу. Но Ваня не был уверен, что это то самое, что ему показалось - рядовая прикрыла рукой треугольник и отвернулась от него слишком быстро. Поэтому, с докладом полковнику Ваня решил повременить. К тому же вид бермудского треугольника так дурно на него подействовал, так надавил на виски и взбаламутил кровь, что едва ли он мог издать что-нибудь членораздельное. Ему поплохело, как тем матросикам, сигавшим в воду в районе Бермуд.

- Хорошо. - членораздельно сказал полковник. - Ты ослица.

- Я-я осли-и-ица. - по-попугайски проямлила Соня.

- Да, - пожевав губами, кивнул полковник, - ты ослица, подвозящая к линии фронта тачку с боеприпасами. От тебя зависит, выиграют наши войну или проиграют. От тебя и от твоего погонщика сзади, который должен быть асом твоего тела.

Гнусинский, вставай, запрягай рядовую в дорогу. А ты, Сонечка, уподобься ослице. Полезай коленками на кровать, вставай в её позу и круп свой некрупный выпячивай к Ване. А ты не стой, как чурбан, на-ка ремень, подпоясай её. Ваня защёлкнул на Сониной талии бляху: "Старикан явно задумал унижить Сироткину до основания. Сначала сосала салями и уже все - дальше бы, вроде, чморить уже некуда, а он - на новую выдумку: опустить её ниже грязи, до уровня суки".

Ваня взглянул исподлобья на Соню; та лежала лицом в матрасе, по-прежнему прикрывая одной рукой грудь, другой - свою тайну. "Нет, чем так унижаться, уж лучше на мясо: - подумал Иван почему-то о Соне, не о себе. - И чё там у неё?"

- Но-о! Пошла-а-а! - Ваня дёрнул за ремень.

Вдалеке загрохотали раскаты сражения.

Он хлестнул её круп с плеядой родимых пятен на правой половине. "А ещё стучала на меня, падла! У него там что-то! ... Получи теперь:" - и столько в нем было нетерпения, ража и злости, что он сразу вослился почти на треть.

- И-и-а-а! - закричала "ослица"; толи от ража погонщика Вани, толи от желания быть похожей на неё.

От крика две другие солдатки шарахнулись друг к другу, в тесном сплетении ища защиты и утешения.

- Впарь ей, паря! Гони на передовую! - брызгал слюной на ухо Ивана полковник. - Всучи на полную! Пуцдай узнает почём втык мяса! А то ишь, жить захотела! Пуцдай ещё заработает! Пуцдай отрабатывает блудодни!

И Ваня, осилия впаривать остаток, ослил рядовую сурово, размашисто, бурно. Ослица стенала. Кровать скрежетала.

Солдатки в углу приникали друг к другу.

- Тов: полк: - "ослица"; пыталась что-то доложить и даже поднимала зарёванное, некрасиво опухшее личико, но вновь и вновь срывалась стонать. - Он: же: меня: он же меня: Полковник весь обратился в слух.

- Он же тебя? ...

- И-и-е: и-и-е:

Старик назидательно ткнул указательным пальцем:

- Варяжку варяг вразумлял враскоряк.

Гнусинский преданно засмеялся, потом зашатался живее и не праздно, а по делу - аккомодация осла (он это чувствовал) наступила и надо было подгонять тачку к нашим.

Он весь изогнулся, стараясь заглянуть под круп: её ладонь, прикрывающая то самое, шевелилась, совершая как бы прячущие движения; однако, нет-нет из-под пальцев выскальзывали розовые гребешки. Иван с торжеством распрямился. Так и есть - его подозрения подтвердились - Сироткина прятала за пазухой гребешок.

Там в столовке солдаткам давали на ужин. Она и сперла. Можно будет доложить полковнику. Обмирая от восторга близкого стукачества, Гнусинский вогнал Сироткину в эпицентр сражения. Вокруг все пылало. Потёк жидкий жир.

Восторг вытекал вместе с жиром, толчками. Внутри образовывалась пустота. Она нарастала. Остатки восторга проваливались в эту ПУСТОТУ. Там что-то с ними происходило и обратно всплывала какая-то гнусная серая рвота. Она растекалась по Ване и ему становилось понятно, кто такой полковник, кто теперь при нем он и что ему суждено отныне. Ваня зажмурился: что он наделал! что он наделал!! гнусно как! гнусно и пусто! и не остановить! И эту гнусность нельзя было унять, а разрастание ПУСТОТЫ остановить: лишь только проснуться: И Ваня свалился с кровати.

Он сидел на полу и, счастливый, держался за сердце: "Это сон! Это сон! Как хорошо, что он кончился! Весело тикали ходики. Через открытую форточку в комнату лились лучи восходящего солнца и ласкали розовые обои. Играло радио. И мама! Она ходила по кухне, издавая аромат жареного хлеба и голос: "Вставай, соня, школу проспипишь". И было утро 54752 дня от рождества Ленона.